

В. Е. Майер

ОБ ОДНОМ РАННЕМ ПРОИЗВЕДЕНИИ УТОПИЧЕСКОГО КОММУНИЗМА В ГЕРМАНИИ

Революционные мюнцеровские идеи, получившие широкое распространение во время Крестьянской войны, продолжали оказывать влияние на развитие антифеодальной мысли и после того, как «самая величественная революционная попытка немецкого народа закончилась позорным поражением, на первое время вдвое усилившим гнет». (Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии//Соч. Т. 7. С. 432). Об этом свидетельствует интересный и ярко написанный памфлет «О новом преобразовании христианской жизни. Опасайся, дьявол, аду придет конец», за который в 1527 г. в Лейпциге заплатил жизнью нюрнбергский владелец типографии и книготорговец Иоганн Герготт.

Об Иоганне Герготте, которого ряд исследователей считает автором памфлета, известно сравнительно мало. До второй половины XIX в. германские историки причисляли его к мученикам реформации. Предполагали, что его, лейпцигского книготорговца, казнили еще в 1524 г. по приказу герцога Саксонии Георга Бородатого за распространение произведений Мартина Лютера. Однако в 1878 г., когда уже высказано было сомнение в достоверности этих сведений об И. Герготте, историк Альбрехт Кирхгоф обнаружил новые материалы, которые позволили представить деятельность Герготта в совершенно ином свете. Этот памфлет, вместе с другими материалами эпохи Реформации, найден был во второй половине XIX в. в Лейпцигском архиве в особом папке. Страницы памфлета еще не были разрезаны. На обложке его кем-то из современников четким почерком выведены слова: «Мятежная книжечка Ганса Герготта из Нюрнберга, из-за которой он был обезглавлен здесь 20 мая 1527 г.».

Дальнейшие исследования показали, что Иоганн Герголт — владелец типографии и книготорговец не Лейпцига, а Нюрнберга, где с 1522 г. печатал реформационные и революционные произведения. После его трагической смерти там до 1538 г. продолжала издательскую деятельность его жена Кунигунда Герголт.

Владельцы мелких типографий в то время владели зачастую жалкое существование. Об этом свидетельствует заявление лейпцигского владельца типографии Вольфганга Штекеля. В 1524 г. на допросе в городском совете Штекель говорил, что книготорговцы и владельцы типографий находятся в тяжелом состоянии, они не имеют даже подчас достаточных средств для пропитания, и если дело и дальше будет так продолжаться, то они могут потерять свой дом, двор и все источники средств к жизни. Штекель жаловался особенно на то, что владельцев типографий обязывают печатать католические книги, спрос на которые ничтожен. Совсем иначе обстояло бы дело, если бы разрешалось печатать книги, на которые имеется спрос, т. е. реформаторские. Теперь же печатники, наборщики и другие рабочие разорены, они и их семьи испытывают большую нужду. Многие из них вынуждены напиматься подешевками на строительство городской стены.

Подобно другим владельцам мелких типографий И. Герголт уже с 1522 г. перепечатывал произведения Лютера, не имея на это издательского права. Лютер, например, 26 сентября 1525 г. жаловался городскому совету в Нюрнберге на пропажу из типографии оттиска его Нового Завета, обвиняя в краже Иоганна Герголта. Продажа тайно изданных произведений Лютера, спрос на которые сильно возрастал могла в какой-то мере улучшить материальное положение Герголта. Это, конечно, не свидетельствует о том, что Герголт и Лютер перестали быть врагами.

Иоганн Герголт, как это будет видно из дальнейшего изложения, по своим взглядам стоял близко к Томасу Мюнцеру и, возможно, был лично знаком с ним. В сентябре 1524 г., когда городские власти вынудили Т. Мюнцера уйти из Мюльгаузена, тот направился в Нюрнберг, где напечатал у Герголта ранее написанный им памфлет против Лютера — знаменитую «Защитительную речь». Некоторые исследователи, правда, сомневаются в том, что в типографии Герголта печатался именно этот памфлет. Однако неопровержимо доказано, что в конце 1524 г. городской совет Нюрнберга

конфисковал у странствующего книготорговца Меллерштадта какую-то книжечку Мюнцера, напечатанную в типографии Герготта. Меллерштадт за распространение запрещенной литературы тогда просидел некоторое время в городской тюрьме, причем после его освобождения городской совет Нюрнберга счел даже нужным возместить ему убытки. Самому И. Герготту также удалось легко отделаться: лишь двое его подмастерьев были на два дня посажены в тюрьму за то, что они якобы тайно печатали памфлет Мюнцера. В маленькой типографии И. Герготта, конечно, совершенно невозможно было тайно от владельца напечатать несколько сот экземпляров мюнцеровского памфлета.

Наиболее яростный саксонский противник Лютера Петер Сильвий ставит Герготта в один ряд с наиболее видными общественными деятелями Реформации и Крестьянской войны. На титульном листе одного из антилютеровских произведений Сильвия, вышедшего через несколько дней после казни Герготта, говорится о том, что Ганс Герготт ставил свои утопии те же цели, что и Лютер - его произведениями, Цвейффер - проповедями, а Мюнцер - выступлениями во имя Крестьянской войны. В тексте памфлета Сильвия сказано, что Герготт сочинил безумную, мятежную фантастическую утопию и возмнил на ней людей. И даже через десятилетия после казни Герготта Сильвий во втором издании своего памфлета снова ставит его имя рядом с именами Цвейффера, Мюнцера, Гуманера, Лютера и Цвингли, т. е. со всеми теми, кто, с точки зрения правоверного католика Петера Сильвия, был наиболее виновен в социальной борьбе черноты Реформации и Крестьянской войны.

Остается неизвестным, с кем вместе действовал И. Герготт, стояла ли за ним какая-нибудь группа революционно настроенных людей, по счастливой случайности не пострадавших во время жестокого разгрома Крестьянской войны, или же сам памфлет был написан в целях сплочения оставшихся разрозненных сторонников общественного переворота. Однако бесспорным остается то, что автор памфлета, печатники, тайно набравшие его, и многочисленные распространители его принадлежали к той категории революционеров, которых не сломили ни поражение в Крестьянской войне, ни жестокий террор, последовавший вслед за ним. Они упорно продолжали верить в светлое будущее и ставили себе целью в эти тяжелые дни вдохновить народ и вселить в него уверенность в то, что не все еще потеряно. Люди, издавшие

памфлет «О новом преобразовании», представляли себе всю опасность, угрожавшую им. Об этом свидетельствует отсутствие на обложке памфлета указания года и места издания, а также имени и герба издателя. Правда, типографский герб первоначально имелся на титульном листе, но из конспиративных целей он был вырезан, сохранились только края его, по которым нельзя установить, где печатался памфлет.

Несовершенство стиля, которым написан памфлет, и детальное описание будущего общества создают такое впечатление, что автор до этого никогда не писал для печати. Однако он, видимо, был в курсе разных мнений, высказывавшихся на многочисленных обсуждениях насущных вопросов переустройства мира, и принимал активное участие в этих обсуждениях.

Предположение о том, что автором памфлета является кто-нибудь другой, а не И. Герготт, представляется маловероятным. Герготт был казнен без суда по приказу палача Крестьянской войны саксонского герцога Георга Бородатого, а не осужден городским советом, судившим всех горожан, что говорит уже о том, что он казался очень опасным человеком. Нельзя было бы объяснить и то, почему накануне его казни, 19 мая 1527 г., в Лейпциге встретились герцог Георг Бородатый, курфюрст Иоганн Фридрих, герцог Генрих Саксонский, ландграф Филипп Гессенский, граф Гебхард Мансфельдский и др. Вероятно, во время этой встречи отъезжающих врагов революционного движения окончательно решился вопрос о казни И. Герготта.

На решение этого вопроса проливают свет и некоторые известные нам события, предшествовавшие аресту И. Герготта. Судя по отрывочным данным, в конце 1526 г. памфлет «О новом преобразовании» попал в Лейпциг, где его от руки переписали в целях распространения. Весной 1527 г. городской совет Лейпцига арестовал двух студентов, торговавших копиями памфлета, издателем которого был признан И. Герготт. Вслед за этим И. Герготт был арестован. Возможно, что это случилось в Цвиккау, где он скрывался временно у своих родственников, намереваясь в дальнейшем отправиться в Лейпциг, где у него также имелись родственники.

Рукопись памфлета «О новом преобразовании» в настоящее время имеется в одном экземпляре, принадлежащем Цвиккаускому музею. Экземпляр памфлета, найденный и описанный Кирхгофом, сгорел в 1943 г. Памфлет дважды

перендавался — в 1878 и 1953 гг. В исторической литературе до сих пор больше интересовались личностью И. Гергота и вопросом о том, является ли он автором памфлета, содержание же памфлета не исследовалось. Задача настоящей статьи — проанализировать содержание памфлета «О новом преобразовании».

* * *

Главное в памфлете — идея социально-экономического переустройства общества. Это представляет особый интерес, так как фантастический идеал «царства божьего» у Томаса Мюнцера не имел конкретных очертаний (Смирин М. М. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая Крестьянская война. М., 1955. С. 15), а воззрения революционных анабаптистов нам известны лишь в изложении их противников. Герготт ставит себе цель «во имя чести господа и *общей пользы* (курсив наш — В. М.) сообщить «бедному люду» о предстоящих преобразованиях, в результате которых «господь бог уничтожит все сословия, деревни, замки, монастыри и создаст новый мир, в котором никто не сможет скрывать, что «мное». Следовательно, с самого начала Герготт имеет в виду общество, где не будет частной собственности, где все будет принадлежать всем.

С точки зрения автора, новое преобразование будет третьим по счету — первое принимал в свое время бог-отец Старым Заветом, второе — бог-сын Новым Заветом, а третье примет святой дух. Такие три стадии в развитии человеческого общества намечались уже в учении Иоахима Флорского в XII в. Однако, в отличие от Иоахима, Герготт понимает под святым духом разум. И если автор памфлета не был в состоянии освободить свое представление о разуме от религиозных наслоений, то это вполне объяснимо для эпохи, когда единственно понятным массам языком являлись религиозные пророчества. Герготт считает справедливым только то преобразование, которое основывается на разуме.

Наряду с вопросом об общей собственности Герготт уделяет много внимания уравнительному пользованию. Характерно, что Герготт пошел дальше идеи уравнительного потребления. Решающим условием, обеспечивающим уравнительное пользование, автор считает, наряду с общей собственностью, совместный труд.

Выясняя истоки таких новых для XVI в. идей, нам следует иметь в виду не только возможное влияние со стороны Г. Мюнцера и той социальной среды, к которой принадлежал автор, но и то, что уже в 1524 г. в Базеле стараниями Г. Галсия Канцункуды появился первый немецкий перевод «Утопии» Т. Мора. В «Утопии» идеи общности имущества и коллективного производства высказывались весьма определенно и притом без прикрытия религиозной оболочкой. Именно в это время большая часть швейцарских политических эмигрантов, в основном анабаптистов, поселилась в Южной Германии.

Выдвигаемый в памфлете принцип «общей пользы» понимается автором по-мюнцеровски, т. е. как принцип социального равенства и общности имущества. В новом обществе, с точки зрения Герготта, «все, что находится в стране, будет принадлежать труженикам полей». Таким образом, главной чертой будущего общества, с точки зрения автора, является отсутствие частной собственности и классов. Это рождает Герготта с передовыми мыслителями того времени — Г. Мюнцером и Т. Мором. Общественные слои, к которым принадлежал Герготт, видимо, больше всего волновало это конкретное устройство будущего общества.

Радикализм памфлета, написанного в момент поражения крестьян, когда по всей стране свирепствовал жесточайший террор, особенно убедительно свидетельствует о том, что автор его принадлежал к группе непримиримых революционеров. Еще больше мы убеждаемся в этом при выяснении его отношения к Крестьянской войне и к вопросу о путях перехода к новому обществу.

Крестьянская война рассматривается Герготтом как проявление воли господней. Считая Крестьянскую войну проявлением божьей воли, автор указывает также: «Жилища, в которых живет бог, — это бедные люди, крестьяне и горожане, сотворенные самим богом». Оставляя в стороне пантеистический смысл этих слов, необходимо отметить, что Герготт видел в качестве основной движущей силы Крестьянской войны простой народ — крестьян и плебеев.

Учитывая обстановку после поражения революционного движения, в частности отсутствие реальной силы, способной вновь немедленно восстать, Герготт не призывал в тот момент к восстанию. «Каждый теперь делает свое, — заявляет он, — ибо, как мне кажется (курсив наш — В. М.), господь бог больше не поднимет крестьян на восстание против

их господ». Герготт не только не осуждал крестьян за их выступление. Наоборот, он жалел, что они действовали слишком мягко и нерешительно. В период глухой реакции Герготт persino предупреждал феодалов, что если бог сам захочет с ними восстать, то с ним нельзя будет так жестоко обращаться, как с крестьянами. Таким образом, ясно, что автор продолжал верить в неизбежность будущей победы над эксплуататорами.

В памфлете резко осуждается террор, обрушившийся на крестьян после их поражения. В организации и поддержке террора Герготт обвиняет ученых-книжников, явно имея в виду в первую очередь М. Лютера и его сторонников.

Заверение автора в конце памфлета, что его «книжечка не призывает к восстанию», указывает лишь на то, что время после разгрома восставших крестьян он не считал подходящим для нового выступления. Об этом же говорят и следующие, исполненные злой иронии, слова Герготта: «Я не хотел бы делить выигрыш от восстания с крестьянами, ибо, как мне кажется, им заплатили достаточно».

Важно отметить, что в отличие от Томаса Мора, который даже не ставил вопроса о том, каким путем совершится переход к новому обществу, Герготт считает, что этот переход произойдет в результате восстания. Излагая свои взгляды на будущее общество, автор убежденно заявляет: «...а творцами его выступают господь бог и простой народ». Такие недвусмысленные высказывания о революционном переходе к новому обществу определенно свидетельствуют об общности идей Мюнцера и автора памфлета. Следует при этом иметь в виду, что памфлет Герготта появился после поражения восставших крестьян, в тяжелые дни наступившей реакции.

Большое внимание уделяется в памфлете вопросам управления будущим обществом. Говоря об изменении политического строя, автор памфлета подчеркивает, что «исчезнет та форма светской и духовной власти, которая сейчас существует. Будет уничтожено повиновение духовным и светским князьям». В том числе будет уничтожена и власть императора и папы. Подводя как бы итог рассуждениям о политическом устройстве будущего общества, Герготт подчеркивает, что не будет двух глав над народом, будет «один пастырь». Раздоры и беспорядки, происходящие теперь, прекратятся только тогда, когда утвердится «один пастырь». В памфлете отстаивается та мысль, что единый глава осо-

бенно нужен мелким деревням, которые только благодаря ему будут в силе «отстаивать свои пашни от покушений крупных городов и господ». Таким образом, Герготт смело противопоставляет существующему монархическому режиму феодального общества выборное, демократическое устройство будущего общества, делению на светскую и духовную власти — единое демократическое управление.

В памфлете отводится много места религиозным, церковным вопросам. Однако принципиально важно подчеркнуть, что религия и церковь в памфлете подчинены общественным интересам, а не наоборот. В духе эпохи Герготт требует выборности священников. «Из всех них, — говорит он, — будет выбираться каждый двенадцатый, чтобы он служил господу и общей пользе». Это еретическое для XVI в. требование, как известно, мы находим и в знаменитых «12 статьях» крестьян. Следуя своему учению о единстве светской и духовной властей, Герготт подчеркивает, что обо всех религиозных делах обязаны заботиться выборные правители. И вместе с тем автор не только не религиозный фанатик, а в известной мере вольнодумец, чьи взгляды характеризуются веротерпимостью. Это особенно ясно видно из его слов: «Если бог кого-нибудь захочет видеть верующим, то тот и станет верующим, так я думаю, а другой пусть верит во что он хочет». Для полной характеристики отношения Герготта к религии необходимо отметить, что он не делает обычных для того времени ссылок на богословские сочинения. А известные евангельские слова «воздайте кесарю кесарево» (Лука, 20, 25) он объявляет отмененными богом. Об этом станет известно тогда, пишет Герготт, когда народ «перестанет заботиться о личном и начнет заботиться об общем». Все это свидетельствует о том, что автор принадлежал к тем «неутомным, фанатичным и бесстрашным в своей агитации анабаптистам», которые в свое время «все более и более спланивались вокруг Мюнцера».

* * *

В итоге необходимо подчеркнуть, что «мятежная книжечка Ганса Герготта из Нюрнберга» свидетельствует о близости автора ее к «плебейскому революционеру» Т. Мюнцеру. Правда, нельзя базоговорочно объявить Герготта непоколебимым последователем Т. Мюнцера. Памфлет И. Герготта скорее может служить тем недостающим в науке звеном, благодаря которому удастся более конкретно выяснить вли-

яние мюнцеровских идей, бытовавших и после поражения крестьян в определенных социальных слоях города и деревни, на оформление революционного анабаптизма. Pamфлет в известной мере может быть назван революционно-анабаптистским. Ценность его заключается особенно в том, что в нем впервые исключительно наглядно изложены утопические коммунистические взгляды (в типичной для XVI в. религиозной оболочке). Автору не хватало тех теоретических знаний и того революционного опыта, которым обладал Т. Мюнцер, однако он глубоко и от души верил, что даже жесточайшая реакция не может сломить волю народа. Задача автора памфлета «О новом преобразовании» заключается в том, что он не сложил оружия борьбы против феодализма в тот момент, когда феодальная реакция неистовствовала. Он внушал народу веру в будущее и боролся за сплочение революционных сил, чтобы возобновить наступление на классовых врагов крестьян и плебеев, когда для этого настанет время.

Его отношение к Крестьянской войне, к принципу «общей пользы», торжеству будущего бесклассового общества, роли народа-творца, его непримиримость в отношении к ученым-книжникам и т. д. — все это убедительно свидетельствует о том, что он прошел суровую школу классовой борьбы под руководством Т. Мюнцера. Однако Герготт выступил после поражения крестьян. В памфлете уже нет острого и гневного полемического языка мюнцеровских памфлетов. Дальнейшее исследование памфлета «О новом преобразовании» позволит выяснить ряд новых вопросов классовой и идеологической борьбы в Германии XVI в.

ИОГАНН ГЕРГОТТ

**О НОВОМ ПРЕОБРАЗОВАНИИ ¹
ХРИСТИАНСКОЙ ЖИЗНИ.
ОПАСАЙСЯ, ДЬЯВОЛ,
АДУ ² ПРИДЕТ КОНЕЦ**

Перевод и комментарии В. Е. Майера

О НОВОМ ПРЕОБРАЗОВАНИИ

Предусмотрены три преобразования: первое осуществил Бог-отец Старым Заветом, второе предпринял со всем миром Бог-сын Новым Заветом, третье осуществит Святой Дух³ со всем тем соблазном, в котором мир сейчас пребывает.

Во имя возвеличения чести Господа и общей пользы я сообщаю бедному люду⁴ о грядущем⁵: Господь Бог намеревается смирить все сословия, деревни, замки, монастыри и создать преобразованный мир, в котором никто не скажет: это мое.

Все секты будут унижены: их дома будут сломаны, от них уйдут их люди и ремесло. В деревнях исчезнут межи между наделами и людьми⁶, и будут они избавлены от всяких тягот. Исчезнет наследственное дворянство, простому люду будут принадлежать его дома. Монастыри потеряют свои четыре ордена⁷ и нищенский посох⁸. Остальные богатые монастыри также лишатся поступлений в виде цenza и ренты. Все секты объединятся и растворятся в одной. Все вещи станут достоянием общины: и лес, и вода, и пастбища и т. д.⁹. В каждой стране будет не больше одного правителя, исчезнет тот вид светской и духовной властей, который сейчас существует. И будет уничтожено повиновение духовным и светским господам. И уйдут от князей и господ их слуги. И напрасно же некоторые надеются сохранить свое сословное звание.

Упомянутые выше статьи я вывел из того представления, которое у меня было о христианской овчарне. И осознал я все ее пороки. И заявил я тогда: О, извечный Бог, как печально выглядит твоя овчарня. Вслед за этим я понял, что Господь Бог уволил двух пастухов¹⁰, которые вместе со всеми своими родственниками были посажены над христианской овчарней, и их большая работа больше не может быть плодотворной.

Затем я понял, что Господь Бог задумал новое¹¹: он назначил одного пастуха над своей овчарней, которому он отдал все земное царство. И отдал Господь Бог все земли

домам Господним¹² и каждому столько людей, сколько может кормиться на его полях. Все, что на этих полях растет, принадлежит домам Господним и людям, живущим на них. Все отдано им в общее пользование, так что они все будут кушать из одного горшка и пить из одной бочки¹³, а также подчиняться одному человеку, поскольку он будет править во имя чести Господней и общей пользы¹⁴. И назовут его кормильцем дома Господнего¹⁵. И все люди будут трудиться сообща, каждый там, где он может, и делать то, на что он способен. И все будет находиться в общем пользовании, так что никто не будет жить лучше другого. Земля будет совершенно свободна от всяких цензов и оброков, хотя власти и будут их получать. Поведение этих людей будет лучше, чем в любом ордене. Они будут верить в Бога и доказывать свою веру делами: молитвами, постами, блюдением страстей Господних, почитанием милосердия Господа и др. И когда у этих людей родятся дети и им исполнится 3 или 4 года, они отнесут их в церковь на алтарь Господний. И придет тогда кормилец Господнего дома, и примет он их, и прикажет он наиболее правственному из этих людей, чтобы он собрал их в один дом и воспитывал их как честный отец во имя славы Господней и на общую пользу. Девочки будут отданы честной набожной женщине или девице из того же дома. Она их воспитывает до совершеннолетия. И к чему у них будут склонности, тому их и будут обучать во имя чести Господа и на общую пользу. Из всех этих людей будет выбираться каждый двенадцатый человек¹⁶, чтобы он служил Господу и общей пользе. И пусть всегда будут готовы служить Господу те, которых направят на это. Чтобы выполнить службу Господню не хватит всех монастырей, мужских и женских, а также других соборов. Все они будут преобразованы, в том числе и все четыре ордена. В милостынях им будет отказано. Остальным монастырям и соборам не будут больше платить ни ценза, ни ренты¹⁷. И пройдут этот путь и дворяне, и нищие. И будут обеспечиваться нищие, как и все остальные¹⁸. Таким образом будет унижен весь род человеческий. Все будут жить вместе, как у картезианцев¹⁹.

И должны они быть всегда наготове с оружием в руках защищать честь Господню и общую пользу. И будет у них дом, в котором будут кормить, поить и ухаживать за всеми стариками так, как это не в состоянии делать какой-нибудь госпиталь.

Также будет дом для прокаженных и душевнобольных, для всех тех, кто не стоит на пути праведном, их там будут держать до тех пор, пока они не осознают своего греха²⁰. Также у них будут свои ремесленники — портные, сапожники, шерстобиты, льнопрядильщики, кузнецы, мельники и пекари — и вообще все те, в ком будут нуждаться в каждой местности²¹. Тогда вновь расцветут все ремесла²², и тогда повсеместно откажутся от частной выгоды во имя общей пользы²³. И будет тогда исполнено Отче наш. И восторжествуют тогда слова, которые наш Господь часто упоминает в Отче нашем: нам, нам, нам.

И тогда каждый ремесленник возьмет к себе кого-нибудь и обучит его своему ремеслу во имя общей пользы²⁴. И станут они хорошего поведения. Они будут почитать все общее и молиться за него, ставить его выше всяких святых. Во имя Господа они откажутся от собственного блага и будут делать только то, что на пользу всем. Они будут одеваться в одноцветные платья — белые, серые, черные и синие²⁵ — в такие, какие будут изготавливаться в каждой местности. И все то, что будет произведено на полях, станет им пищей и питьем. Им всем будут принадлежат леса, воды и все остальное. И что будет произведено на одном общем поле — может быть обменено на какой-нибудь товар²⁶. И перестанут они употреблять мясо в рождественский пост и от воскресения Христова до Троицы.

Из семи таинств они сохранят три²⁷, остальные четыре они отнесут к добрым делам и оставят их во имя нерасторжимого союза²⁸. Кто же его нарушит, того строго накажут: люди, объединенные в одном доме, свяжут ему руки и ноги и в знак позора будут ходить через него столько раз, сколько он провинится. Таинство миропомазания тогда будет рассматриваться как обращение к святейшему, а принятие первого причастия будет рассматриваться как обращение в веру в возрасте 30 лет.

Кормильцы Божьих домов в каждой стране выберут над собой одного главу или господина²⁹, который и будет править страной и которому никто не будет обязан давать ни ценза, ни ренты³⁰. И будет он странствовать по всем землям страны и следить, чтобы во имя Господней и общей пользы груднились все церковные кормильцы и все живущие на полях. И будет он есть и пить вместе с ними то, что и они едят и пьют и что они производят на своих полях. И что ему больше причитається за труд, получит он от Бога.

И если господин будет воевать во имя чести Господней и на общую пользу, то каждый третий человек обязан прийти к нему на помощь по первому зову и следовать за ним либо пешком, либо верхом³¹. И отчеканит этот господин пфенниг³² с изображением Иисуса и надписью, в какой стране он отчеканен. И примут этот пфенниг во всех разноязычных странах мира³³. И этот господин, хотя он и не будет получать ни ценса, ни ренты, все же будет в состоянии удовлетворять потребности всей страны и при помощи кормильцев церковных он будет следить за обработкой всех полей и земель*. И будут у этого господина и знатоки полеводства³⁴, и знатоки Священного Писания. И знатоки полеводства должны уметь определять урожайность полей, чтобы можно было удовлетворять телесные потребности, и на каждом поле будет один (такой знаток). И на каждом поле будет знаток Священного Писания, который учит слову Божьему на благо души и таким образом питает душу Писанием. И при этом господине будут восстановлены все старые церкви, в которых будут служить Господу и кормиться плодами полей³⁵. И разрешит этот господин всем кормильцам церковным отчеканить пфенниг на общую пользу. И будет он жить посередине страны, и все, что будет находиться в стране, будет принадлежать труженикам полей. И соберет он каждый год кормильцев церковных два, три или столько раз, сколько понадобится, чтобы выяснить, у кого имеются излишки в площади и людях. И распорядится он о строительстве особых помещений, куда можно было бы поместить излишки зерна, имеющиеся на отдельных полях, чтобы их можно было пустить на пользу всей страны или оказывать помощь остальным странам³⁶. И содержит он в своей стране высшую школу, где будут обучаться во имя чести Господней и на общую пользу. И будут там находиться все полезные книги. И в каждой общине он обеспечит почитание Господа лучше, чем это теперь могут сделать монастыри. Сколько раз люди будут насыщаться телесно, столько раз и духовно они будут питаться словом Божиим. И будет он довольствоваться одной страной и потреблять то, что родится на полях его страны. И все, что находится в его стране, будет принадлежать ему и его труженикам полей.

* Буквально: всех дорожек и дорог.

Двенадцать этих земельных господ³⁷ выберут над собой главу или господина, который обязан посещать упомянутых двенадцать и наблюдать за тем, чтобы они справедливо управляли двенадцатью странами. И отчеканит он тоже пфенниг, равный двенадцати пфеннигам, отчеканенным двенадцатью, стоящими под ним. И будут на нем изображение Бога и название страны. И будет он вместе с двенадцатью есть и пить все то, что они производят в своих домах. И назовут сго господином одной четверти стран с латинскими языками³⁸. И все правители земель будут раз или два в году являться к нему, чтобы сообщить, какие имеются в их странах излишки или недостатки. И обязан этот правитель после выборов утверждать правителей остальных земель. Он обязан наблюдать, чтобы никто из правителей земель не преследовал корыстные цели и приказывать, чтобы они учили своих подданных ценить общее выше частного. И будет он сведущим и в Священном Писании и в полеводстве. И отчеканит он монету из золота и меди с изображением Иисуса и надписью, в какой четверти латинских стран она отчеканена. Таких правителей будет четыре в странах с латинскими языками. И всеми странами, где говорят на латинских языках, будут управлять эти четыре правителя.

Каждый из четырех правителей чеканит пфенниг из золота и меди, равный всем тем, которые чеканятся подчиненными ему в его четверти правителями. У каждого из этих правителей в его четверти будет высшая школа, где будут изучаться три языка: латинский, греческий, и еврейский, необходимые для общения с единым пастырем. Каждый из четырех правителей только раз закупает все то, что необходимо для его страны³⁹.

Соответственно и в странах с еврейским и греческим языками будут по четыре правителя. И каждый из них также отчеканит монету из золота и меди. И будет одна монета равна другой как по форме, так и по надписи имени Иисуса и указанию, в какой четверти отчеканена она. Эти двенадцать мужей трех языков будут каждый в своей четверти следить за подчиненными им правителями, чтобы они правили во имя чести Бога и на общую пользу, и приказывать им, чтобы они своих подчиненных учили действовать во имя чести Господа и общей пользы. И эти двенадцать выберут над собой главного правителя, обязанного подтверждать их в должности после того, как их изберут в их четверти. И пусть он постоянно навещает страны трех языков и следит за тем,

чтобы они управлялись во имя чести Господней и общей пользы. И когда он умрет ⁴⁰, то пусть двенадцать выберут поного, который продолжит начатое первым, и пусть его утвердит в должности сам Господь Бог. Он также отчеканит пфеннинг из золота и меди, равный двенадцати пфенningам, отчеканенным двенадцатью подчиненными. И на нем тоже должно находиться изображение Иисуса, а также надпись и изображение единого пастуха и единой овчарни. Следовательно, вышеуказанные два пастуха уволены и в будущем выберут единого пастуха. И все их старания и труд не принесут пользы, пока не будет осуществлено предсказанное. И до тех пор будут раздоры.

Передача в лен всего земного царства одному пастуху вернет нам всю ту пользу и те плоды, которые людям нужны для тела и души. Благодаря ей мелкие деревни смогут отстоять свои пашни от покушений крупных городов и господ ⁴¹. И все, что они найдут на своих полях, будет принадлежать им. Города сломают свои дома, которые им не будут нужны ⁴². У них будет достаточно монастырских домов, расположенных на их полях. И будут они ими владеть во имя чести Господа и на общую пользу.

Пусть же следят, чтобы эти дома не были повреждены во время всеобщего волнения людей ⁴³. Ибо после этого изменения никто не останется в своем сословии. Все будут подчиняться одному общему порядку.

Создание такого порядка будет хвалой добродетельному дворянству, крупные города будут свидетелями этому, а творцами его выступят Господь Бог и простой народ ⁴⁴. И все секты растворятся в одной.

Благодаря этому преобразованию, родовитые и умные дворяне, а также мудрые и пiousные люди из простого народа будут управлять делами разумно. И будут взяты эти мужи из всех сословий, где их можно найти. Благодаря такому пожалованию деревни и города избавятся от всякого бремени. И благодаря этому утвердятся один пастух в единой овчарне земного царства. И вознесет этот пастух праведную молитву: Я верю в Святой Дух. И докажет он это делами. Благодаря этому все монастыри лишатся своего положения и всяких оброков, и не смогут они больше требовать: дайте кесарю кесарево. Господь Бог уже лишил их всего этого, получают они отрешение и от мира. Достоверность этого будет доказана чудотворными знаменами в таком количестве, сколько понадобится, чтобы поверить этому ⁴⁵. И станет на-

род бояться и любить Бога, и перестанет он заботиться о личном и начнет он заботиться об общем.

Эта книжечка обращена ко всем сословиям мира ⁴⁶, духовным и светским, дворянам и недворянам, королям и князьям, бюргерам и крестьянам, ко всем живущим в городах и деревнях. Все, что когда-либо было возведено Богом, касается всех одинаково. И пусть никто не гневается на это. Господь Бог никого не спросит, злится он или нет, он беспощадно будет наказывать. Однако светские ученые, особенно же ученые-книжники ⁴⁷, живущие при княжеских дворах и в больших городах, считают, что они умнее и мудрее самого Господа. Для них ничего не значат его пророчества, сообщенные нам всеми пророками. Даже все чудеса, которые он еще и сейчас ежедневно показывает на небе, для них ничего не значат. Все это они объявляют сплошной выдумкой. Так они хотели бы низвергнуть Божественную силу и возвеличить свою мудрость.

Пусть мне укажут на всей земле хотя бы одного судью или толкователя законов, который действует согласно Святому Духу. Чтобы судить по правде и справедливости, а не по корысти и как кому нравится, Святой Дух назначит двенадцать мужей: столько же, сколько было у Господа Бога апостолов. И если пять из них, руководствуясь только своим разумом, отпадут от правильного решения, то семеро все же больше пяти, и будет решение этих семи правильным. Пусть будет так. Всемогущий, установивший права в пользу бедных, и заплатит судьям, и толкователям законов, когда настанет время. И пусть с трепетом относятся к этому великие и малые, ибо никто не сделает лучше. И все это будет справедливо.

Никто на земле, начиная с самого могущественного и кончая самым ничтожным, не может нам показать то место, где бы судили вопреки воле ученых-книжников. Кого им хочется оправдать, того они оправдают, прав он или нет. Так учат их книги, но не Святой Дух. Ибо он учит только правде и справедливости. Поэтому Святой Дух и ученые-книжники — непримиримые враги. И всех, кто хочет судить согласно Святому Духу и справедливости ⁴⁸, ученые-книжники считают глупцами. Им не разрешают судить, их справедливость должна преклоняться перед учеными-книжниками, как снимается перед ними войлочная шляпа, однако перед Всевышним правда вечна.

Сидят двенадцать, но судят двое, значащие больше остальных, обязанных соглашаться с ними, но Господь Бог знает их мысли. Неужели вы думаете, что Святой Дух будет молчать вечно, как будто он похоронен и не может говорить? Нет, его голос и его правда звучат как фанфары в сердцах людей, и они обнажают всю несправедливость книжных мудрецов.

Вам, всемогущим правителям, или как вас там называют, от самого высшего до низшего, может быть, и кажется, что если будут судить необученные старцы, то на земле будет господствовать зло. Я же верю в то, что Святой Дух даст больше мудрости старому необразованному человеку, чем молодому ученому {книжнику}⁴⁹. И поэтому старый человек по справедливости говорит, что молодой не унывал бы, если бы он знал то, что знаю я. Теперь же мудрость стариков совершенно не ценится. Нет места Святому Духу. Везде господствуют ученые-книжники. Кто же славит Господа, того повсюду упрекают в том, что он не ученый-книжник.

Мне кажется, что Господь Бог не захочет с ними знаться, ибо, когда он был на земле, он мало встречался с учеными-книжниками. Он боялся их, ибо знал, что они всю его справедливость и правду превратят в несправедливость и ложь.

Поэтому он и выбирал себе самых простых и бедных рыбков и чиншевиков, которые не хвастались своим умом; ибо только один Господь Бог умен, и только ему пристало хвалиться своим умом. Ведь не могут ученые-книжники похвастаться тем, что они мудры и умы благодаря Божественному Святому Духу. Они хвастаются только своими книгами и писаниями⁵⁰, благодаря которым им кажется, что они мудрее и искуснее самого Бога. Поэтому они, как это совершенно очевидно, судят только по книгам и совершенно не интересуются Божественным суждением. Да и те, кто имеет Святой Дух, вынуждены говорить только то, что нравится ученым-книжникам.

Но теперь настало время учить и проповедовать иначе, чем это правится ученым-книжникам. Необходимо сеять правду, что, конечно, не могут вытерпеть ученые-книжники.

Поэтому они и злобно требуют от князей и королей закрытия типографий⁵¹ и запрещения хуления и выставления на свет Божий всех их злодеяний. Ибо сам дьявол им подсказывает, что их позор будет обнажен. Но ведь считали они справедливым, когда правдиво говорилось и писалось о несправедливостях князей и королей, рыцарей и графов,

дворян и недворян. Ведь правилось ученым-книжникам, когда были выставлены на общее обозрение все несправедливости дворян.

А теперь, когда и их несправедливости будут вскрыты и выставлены на показ, они требуют убийства, закрывают все типографии, лишь бы это не случилось. Но необходимо, чтобы все пророчества Бога были обнародованы перед всем миром, и не один раз, а много, много раз, как на протяжении ста лет предсказывал Ной людям, что Господь Бог собирается их истребить. Когда же теперь сообщают ученым-книжникам, что Господь Бог не хочет больше терпеть, они пенствуют и не замечают те великие предзнаменования, которые теперь заметны на небе и по всей земле.

Все дворянство вместе со всеми князьями видели все могущество и силу Господа. И ни один дом, ни один замок или город не оказались достаточно надежными, чтобы устоять перед гневом Божиим. Перед гневом Божиим, как это было видно, ничего не устоит, все бегут и оставляют свои дома и замки. И если бы император вместе со всеми князьями захотел, они в целый год не могли бы напугать дворян так, как это сделал Господь Бог за десять недель. Но это не признается, говорят, что это сделали крестьяне. Но я утверждаю, что это не так, ибо что могли бы сделать цепами крестьяне против стен. Нельзя отнять у Всевышнего честь и утверждать, что это сделали крестьяне⁵². Ученые-книжники только призывают дворян убивать крестьян⁵³, так как они якобы взбесились и уничтожают их замки. Так один слепой учит другого, и оба они упадут в пропасть, как это давно предсказано Господом. Ежели они учили бы правде по Евангелию, тогда не было бы таких несогласий и раздоров, как теперь.

Говорит же Господь Бог в Евангелии: и волосы твои сочтены, и ни один из них не будет согнут против воли Отца Моего. Но если на то будет воля Господня, то такое случится. Разве крестьяне действовали иначе, чем другие⁵⁴, если это должно было случиться? Однако если все это случилось не по воле Господней, то, как мне справедливо кажется, в этом больше виноваты ученые-книжники⁵⁵, чем крестьяне. Но теперь требуют с крестьян двойную плату за корову, кожу которой они съели. Но они уже заплатили вдвойне, и теперь крестьянин стоит, как корова на ярмарке, и каждый может сосать его. Сосите же, ученые-книжники, и учите дворян, чтобы они высосали все молоко из вымени и ничего не

оставили потомству. Дело доходит уже до того, что все будет высосано. Нет больше ни молока, ни крови, с голоду уже умирают женщины и дети. Ведь достаточно кричали: убивай и души, у кого имеются руки, если оно будет справедливо, то Бог одобрит это. Господь Бог, однако, учит: будьте милосердны, как милосерден Отец Мой. Что же касается милосердия ученых-книжников, то я не хотел бы его желать ни по отношению к себе, ни по отношению к крестьянам. Но, когда Господь Бог проявит такое милосердие к ученым-книжникам, то никто из них не попадет в его царство ⁵⁶.

И пусть никто не подумает, что восстания могут быть вызваны книгами или листовками, все в силе Господней. Но ученые-книжники этому не верят, поэтому они и руководствуются в своих действиях не волей Господней, а своей мудростью. Глупые же люди верят им. Они ослепляют весь мир, чтобы никто не боялся Господа. Но ведь они и не способны на что-то большее, чем на то, чтобы вести за собой ослепленный мир. Если бы они знали большее, они учили бы большему. У них нет разума, поэтому они не могут обучать кого-либо. И тот, кого они обучают, идет по ложному пути, и все его надежды гибнут, как это видно повсюду. Даже мудрость Господня ослепляет их.

Книжку я написал не из злости и не потому, что я хочу кого-то разозлить или растравить весь мир, а чтобы добиться хорошего мира и согласия. Кто стремится к беспорядку, тот и сеет беспорядок, кто же стремится к миру, тот и призывает к миру, что и было видно во все время последних беспорядков. Если бы ученые-книжники не так усердно проповедовали беспорядок, то его бы и не было столько ⁵⁷. Если же кто выигрывает от беспорядка, то пусть он намажет себе этим ботинки, я же ему не стану завидовать.

Я не хотел бы делать выигрыш от восстания с крестьянами, ибо, как мне кажется, им заплатили вдоволь. Не кажется ли вам, что ученые-книжники и другой сброд, которого достаточно в земном мире, совершили столько же несправедливостей, что и крестьяне. Однако никто не кричит: Колите их, бейте их!». Однако Господь Бог, который является крупнейшим полководцем, собирается их сразить и куда сильнее, чем крестьян, ибо и они действовали в тысячу раз хуже крестьян, разрушая здания из камня и дерева ⁵⁸. Что Богу до городов и замков. Жилище, в котором живет Господь Бог, — это бедные люди, крестьяне и бюргеры, созданные самим Господом Богом. Не допустит он, чтобы их уничтожили.

Хотя он теперь и допускает, что с ними грубо обращаются, это будет только до поры до времени. Каждому свое. Поэтому, мне кажется ⁵⁹, Господь Бог больше не поднимет крестьян на новое восстание против их господ. Господь Бог поступил слишком мягко по отношению к дворянству и ученым-книжникам, направив против них крестьян. Так как они не осознали этой доброты и остались ему неблагодарны, Господь Бог за крестьянскую кровь, которую они ему подарили, поднял против них турок и всех неверных ⁶⁰. Вот когда начинаются настоящие раздоры, как это уже видно. И не только с турками, но и между нами — нашим святейшим отцом ⁶¹ — и высшими священниками идут раздоры. И каждый жаждет крови другого.

Вдруг Господь Бог захочет, чтобы в Германии дело дошло до таких войн и раздоров, как у язычников. Хотя мне и кажется, что так будет и в Германии, я молю Господа, чтобы он смиловился над нами. Наши князья и великие мира сего такие же вероломные, как и за границей. Дайте им только повод, они сразу раздерутся между собой *. И это правится ученым-книжникам, они на это смеются себе в кулак и уверяют: когда происходят большие раздоры и смерть, то все в порядке. Все их произведения направлены на то, чтобы вызывать ссоры и раздоры. Верьте, однако, в Бога, он услышит молитву набожных и не допустит таких раздоров в Германии. И не правы ученые-книжники, когда они думают, что Евангелие следует разделить мечом.

Кого Бог захочет видеть верующим, тот и станет верующим, так я думаю, а другой пусть верит, во что он хочет ⁶².

Если же кто скажет, что книга плохая и учит вредному, то, я ему отвечу, что она хорошая и учит той правде, в которую я верю. Когда идет дождь, то становится грязно, что мне может и не нравиться. Однако какое дело до этого Богу. И все же это справедливо, хотя это мне и не нравится. И пусть иному зазнайке или ученому-книжнику она и не понравится, это ничего не значит, ибо она написана Божьим гневом. Если мы попросим Господа Бога смягчить свой гнев, то он, возможно, и смягчит его. Но я боюсь, что если мы попросим, то наказания и мучения обрушатся на нас вместе. Но если это и не случится, то мои предупреждения никому и не повредят. Разве не лучше, если мне скажут, что я гре-

* Буквально: Свистните им слегка, они сразу начнут пляску.

шу против Бога и внушат мне страх перед ним, чтобы я по-
нял его и просил у него прощения, чем если меня назовут
набожным, а я окажусь подлецом в шкуре. Что мне поможет
на Страшном Суде, если я скажу, что весь мир меня назы-
вает набожным, я ведь от этого не стану набожнее. Столько
же мне поможет, если я скажу: да будет так, а потом так
не будет, и меня назовут лжецом. Если же Бог захочет, что-
бы мир стал набожным и оставит свои наказания на полно-
чи, то я охотно этому подчинюсь.

Моя книжечка не призывает к восстанию. Она только ука-
зывает тем, кто пребывает в грехах, чтобы они осознали их
и просили Бога о милости. Ибо Бога нельзя так бить, как
крестьян, когда он сам с вами будет восвать, как об этом
ясно говорит моя книжечка. Кто не виновен, пусть не бо-
ится, но кто виновен, пусть обратится к Богу и попросит
у него милости, теперь самое время! Ибо теперь он сам при-
мется за истребление сорняка⁶³, иначе сорняк заразит и ве-
рующих. Они не знают, что через Моисея нам предречено:
кто внемлет глас Божий, тот да будет благословен. Мы внем-
лем гласу Божьему и все свершится так, как он нам пред-
рек. Эти мысли долго глодали меня, бедного человека, и мою
совесть⁶⁴, и я не был больше в состоянии удержаться от
обнародования их во имя Бога.

Было видно три стола в мире: на первом было изобилие
и много лишнего, на другом — умеренность и даже недоста-
ток, на третьем — одна бедность. Тогда к бедному столу
пришли те, кто сидел за столом изобилия, чтобы забрать от-
туда даже хлеб. Из-за этого началась борьба⁶⁵. И опроки-
нет Господь Бог стол изобилия и стол бедности и установит
он средний стол⁶⁶.

КОММЕНТАРИИ

1. «Wandlung» — до XVII в. употреблялось в разных
значениях. Герготт употребляет это слово в двух значениях:
1) как изменение, кем-то предпринятое; 2) как поведение в
жизни, моральный облик человека. В значении «поведение в
жизни» слово Wandlung употреблялось до М. Лютера, поло-

жившего начало немецкому литературному языку. Лютер вместо Wandlung везде употребляет Wandel что сохранилось до сих пор в этом значении. Упорным употреблением этого слова в старой форме Герготт, возможно, подчеркнул свою неприязнь к М. Лютеру.

2. Под «адам» Герготт понимает все здание феодального общества.

3. Герготт, как и Т. Мюнцер, понимает под «Святым Духом» разум.

4. «arm man» — бедняк, горемыка. Термин, широко употребляемый в середине века в отношении трудящегося человека, не дворянина и не церковника.

5. «kunfftig». В церковной литературе термин употребляется, когда говорится о том, что неизбежно должно случиться или уже незримо надвигается. Этим словом автор выражает глубокую веру в неизбежность победы нового строя.

6. «gutt an guttern». Gut — надел, земельный участок. В средние века земля — главный источник жизни — была собственностью светских и духовных феодалов. Крестьяне обрабатывали феодальную собственность мелкими участками, между которыми проходили межи. Выражением gutt an guttern автор хочет показать, что в будущем обществе, о котором он мечтал, не будет отдельных наделов и, следовательно, не будет и межей, земля составит большие комплексы, на которых будут трудиться сообща. Такой оборот речи не встречается в словаре немецкого языка Я. Гримма. Это, возможно, свидетельствует о том, что он характерен только для Герготта и того круга единомышленников, к которому последний принадлежал. В этом словосочетании поражает образность.

7. В средние века существовало множество духовных орденов, под четырьмя орденами Герготт, очевидно, подразумевает: бенедиктинский, францисканский, доминиканский и августинский, наиболее распространенные в Германии XIV—XVI вв.

8. Нищенским посохом пользовались ненавистные ордена францисканский и доминиканский.

9. Требование крестьян о возвращении общинных угодий — лесов, лугов, пастбищ и т. д. — носит всеобщий характер в конце XV — начале XVI в., особенно же во время Крестьянской войны (ср. «12 статей»). Крестьяне ожидали, что возвращение общинных угодий даст возможность на равных началах пользоваться ими. В отличие от такого уравнительного пользования Герготт подразумевает общественное

пользование: «zu einem gebrauch der gemein». Такое сочетание слов неизвестно официальной литературе и войскам.

10. Два пастуха — папа и император.

11. «von newem an auff bestalt». В современном немецком языке нет глагола «aufbestellen», есть глагол «bestellen». История этого глагола показывает, что он с древнейших времен употребляется в значении «возделывать поле». Сочетание «von newem an auff bestalt» Герготт создает образную картину: как крестьянин, обрабатывая свое поле, переворачивает пласт так, что верхние слои оказываются внизу, а нижние — вверх, так и во время предстоящего преобразования будут перевернуты общественные отношения.

12. Flur употребляется здесь в значении «сапрус», «агер», как понятие, объединяющее в себе пахотные поля и угодья. Дословно, следовательно, автор говорит: «отдал все земли Божьим домам, стоящим на них». Так Герготт образно показывает, что земля будет находиться в вечном пользовании отдельных коллективов.

13. Требования, характерные для выступлений революционных еретиков — богомилы, табориты и др.

14. Этот принцип «общей пользы» Герготт понимает в духе Мюнцера, как требование социального равенства и общности имущества. См.: Смирин М. М. Анонимный политический памфлет Великой Крестьянской войны//Вестник МГУ. Ист.-фил. серия. М., 1958. № 3. С. 134.

15. «Кормилец дома Господнего» — выражение не встречается в официальной литературе XVI в.

16. Число 12, очевидно, свидетельствует о влиянии легенды о 12 апостолах Христа. Однако во многих местах в Германии в средние века выбирали 12 судебных шэффенов. Выборы священника — прогрессивное требование для XVI в.

17. Социальный смысл этих положений заключается в том, что обитатели монастырей, лишённые доходов, вынуждены будут трудиться. Таким образом, они будут приобщены к новой жизни.

18. Герготт рассматривает нищество как социальное зло, которое может быть ликвидировано в результате уничтожения неравенства.

19. Орден картезианцев был основан в XI в. Бруно Кельнским в знак протеста против развратной жизни кельнского епископа и окружавшего его духовенства. Орден отличался строгостью прав, скромностью одежды, запретом нищества и обязательной трудовой деятельностью членов его. Конеч-

но, это сравнение не дает никакого права считать Гергота картезианцем.

20. В средние века считалось — и это мнение наследовалось церковью, — что проказа, психическая болезнь и другие болезни испосланы Богом на того, кто перестал им грешен.

21. Автор рассматривает коллектив производителей, живущих в одном месте как хозяйственную единицу. Поэтому он и предусматривает разделение труда в масштабе отдельного коллектива, а не всего общества.

22. Тогда вновь расцветут все ремесла». Это косвенное свидетельство процесса разорения части ремесленников, особенно характерного для районов горной промышленности (См.: Смирин М. М. Социальные отношения в горной промышленности Фрейбургского района Саксонии в 40—80 х гг XV в.//Средние века. 1961. Вып. 20.).

23. Обращает на себя внимание сочетание «werden hinfegen» (буквально: «они ставят») и «anhengen» («прикрепить»). Такое сочетание свидетельствует о том, что автор считал переход ремесленников от частной собственности к общественной результатом убеждения, а не принуждения.

24. Это протест против эксплуатации мастерами своих подмастерьев и учеников. С другой стороны, это место свидетельствует о социальной среде, для которой писал Герготт.

25. Требование одинаковых по цвету платьев — протест против церковной роскоши и социального неравенства.

26. Здесь Герготт инстинктивно отрицает деньги и предусматривает для будущего общества товарообмен. По Герготту выходит, что обменено может быть только то, что произведено одним коллективом, на то, что произведено другим коллективом. Коллектив, живущий на общей площади «Fing», таким образом, выступает как собственник всего того, что им произведено на общей собственности — «Fing». Интересно, что это напоминает более поздние представления утопистов о фаланге как производственно-потребительской единице.

27. В католической и православной церквях существует 7 таинств (крещение, причащение, миропомазание, елеосвящение, брак, покаяние и священство). В реформированных, протестантских церквях сохранены два таинства (крещение и причащение). Под третьим таинством Герготт, возможно, подразумевал миропомазание.

28. Повсюду, даже в религиозных делах, Герготт ставит коллективизм на первый план.

29. Герготт здесь противопоставляет, правда в примитивной форме, наследственному монархическому правлению демократические выборы. Это место свидетельствует и о том, что вопрос о власти стоял в центре внимания революционеров эпохи раннебуржуазной революции в Германии.

30. Буквально: «ему нельзя будет давать ни чинша, ни ренты» (выделено нами В. М.). Это свидетельствует не только о том, что, по мнению Герготта, не будет платиться оброки и чинши господам, но прежде всего о том, что всякие поборы в будущем обществе считаются оскорбительными. Таким образом, даже те, кто «хотел бы» их платить, не смогли бы этого сделать, т. к. они этим самым навлекли бы на себя всеобщее презрение.

31. Так поступали крестьяне во время Великой Крестьянской войны, когда они мобилизовывали каждого третьего мужчину.

32. Герготт употребляет слово «пфенниг» только в единственном числе, что затрудняет понимание предлагаемой им денежной системы.

33. Свидетельство того, что Герготт выступал за единую денежную систему во всем мире. Чтобы понять прогрессивность этого требования, достаточно вспомнить, что в раздробленной Германии XVI в. каждый феодал чеканил свою монету. Наличие многочисленных денежных систем использовалось ростовщиками и банкирами для наживы. Таким образом, какой бы неясной ни казалась денежная система Герготта, она целиком должна была служить простому народу.

34. «Flugweysen» слово не встречается в словаре Грима, что свидетельствует о том, что оно не использовалось только в узком кругу и не вошло в немецкий литературный язык. Герготт образовал его по аналогии со словом «schriftweysen», т. е. «знатоки Священного Писания». Следовательно, «Flugweysen» можно перевести как «сведующие в полеводстве», «знатоки полеводства», агрономы. Герготт, таким образом, мечтал о земледелии, стоящем на научной основе.

35. Главное здесь не то, что старые церкви будут реставрированы, а то, что в них будут питаться тем, что выращено на полях. Церкви, таким образом, должны стать общественными столовыми.

36. Продукты, произведенные в пределах одного «Flug», таким образом, становятся достоянием всего общества.

37. Число 12 имело большое значение в средние века, т. к. у Христа было 12 апостолов.

38. Идея о трех мировых языках, как известно, тесно связана с утверждением христианской церкви, что сам Христос заветал проповедовать свое учение на этих языках.

39. Такое утверждение содержит в себе не только отрицание сословия торговцев-бюргеров, но и понимание, правда, в не совсем ясной форме, идеи государственной монополии на торговлю.

40. Верховный глава над всем миром, следовательно, избирается пожизненно. Сроки полномочий других выборных лиц неизвестны.

41. Автор обрушивается на крупные города, которые он считает, как и феодалов, эксплуататорами деревни. Вопрос о роли городов в эксплуатации крестьян в эпоху феодализма еще слабо исследован. Однако ни у кого не вызывает сомнения, что города весьма интенсивно эксплуатировали крестьян. Поэтому, как нам кажется, данное место не следует рассматривать как свидетельство того, что Герготт выступал против всего прогрессивного, как это казалось Г. Шебницу (*Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*. 1960. N 4. S. 917).

42. Герготт объявляет опасными только крупные города. Он предлагает разрушить в них дома. Только глубокими противоречиями между деревней и городом, особенно между крестьянами и патрициями можно объяснить такое отношение Герготта к крупным городам.

43. Это место недвусмысленно свидетельствует о том, что Герготт мыслил себе переход к новому обществу как революционный переворот.

44. Как и Мюнцер, Герготт считает творцом нового простой народ.

45. Говоря о чудотворных знаменьях, которые должны предвещать наступление нового мира, Герготт отождествляет их не только с пробуждением страха перед Богом и любви к нему у народа, но и с началом отказа от частных интересов и поощрением общественного блага. Автор, следовательно, и в этом вопросе на первый план выдвигает интересы народа.

46. Такое обращение ко всем сословиям мира не может быть расценено как безразличие Герготта к социальному вопросу. Все произведение является ярким свидетельством симпатий автора к простому народу: крестьянам и горожанам.

47. «schriftgelehrten». Под учеными-книжниками Герготт понимает в первую очередь М. Лютера и его сторонников, т. е. тех, кого так называл и Т. Мюнцер.

48. Подразумеваются сторонники Мюнцера, т. к. из всех деятелей Великой Крестьянской войны он наиболее определенно высказывался за руководство со стороны Святого Духа, понимая под ним разум.

49. Суждение Герготта о простом народе как об избраннике Божьем также целиком совпадает с позицией Мюнцера.

50. Такое мнение совпадает с высказываниями Т. Мюнцера о том, что ученые-книжники требуют веры в букву Писания, а не в живое слово Христа.

51. Дословно: «пусть закрывают типографии». Герготт объективно выступает за свободу печати, хотя формально он защищает только сторонников Мюнцера от требования Лютера закрыть перед ними двери типографий.

52. Все рассуждения о том, что крестьян вел в бой сам Бог, свидетельствуют, что Герготт считал Великую Крестьянскую войну в Германии священным делом.

53. Лютер, как известно, выступал в 1525 г. с призывом «колоть, бить, душить крестьян».

54. Герготт считает, что насильственные действия крестьян во время Великой Крестьянской войны были не исключением, а правилом ведения войны. Поэтому их следует не наказывать, а помиловать.

55. Герготт обвиняет «ученых-книжников» в организации террора. Основанием для этого послужили работы Лютера, в том числе его памфлет «О разбойничьих набегах крестьян».

56. Это место может быть переведено и истолковано двояко: 1) «никто больше не попадет в его рай», т. е. никто больше не попадет в Божественный рай, небесный рай; 2) «никто больше не попадет в свой рай». Во втором случае на передний план выступает социальный смысл: «ученые-книжники» уже теперь живут как в раю, но после кары Господней они и этот свой рай больше не увидят.

57. Герготт здесь вновь подчеркивает, что в терроре виноваты не революционеры, а «ученые-книжники», т. е. сторонники Лютера. Тем самым он берет под защиту жертвы, павшие от рук феодалов, в том числе и Мюнцера.

58. Герготт приписывает противникам Мюнцера разрушение церквей и монастырей.

59. Обращает на себя внимание, что Герготт не безусловно отказывается от призыва к восстанию, а колеблется в этом вопросе. Он уверен только в том, что не время сейчас призывать народ к оружию.

60. 29 августа 1526 г. турки разбили войска германского императора в битве при Мохаче. Однако, поскольку точно не

известно, когда написан памфлет Герготта, трудно сказать, известна ли уже была эта битва автору.

61. А. Кирхгоф на основании этих слов утверждает, что мысль о папе противоречит всему тексту памфлета (см. Kirchhof A. Johan Herrgott, Buchführer von Nürnberg und sein tragisches Ende 1527//Archiv für Geschichte des deutschen Buchhandels. Leipzig, 1878. S. 31). Однако эту фразу нельзя оторвать от предыдущей — «не только один турки» и последующей — «каждый жаждет крови другого». В таком контексте слова «наш святейший отец папа» звучат весьма саркастически. Герготт, таким образом, подчеркивает, что папа не лучше турок и епископов, он также жаждет чужой крови.

62. Это выражение характеризует Герготта вольнодумцем.

63. Мысль о выкорчевывании сорняка часто встречается у Мюнцера.

64. Герготт, следовательно, сам говорит о той внутренней борьбе, которую он переживал, прежде чем написать этот памфлет. Однако если бы он об этом и не писал, то разные места текста свидетельствуют об этом.

65. Это место весьма ярко свидетельствует о том, что Герготт считал алчность одной из причин классовой борьбы. В конце своего памфлета он еще раз клеймит алчность богачей.

66. Заключительные слова о равенстве в смысле уничтожения всех излишеств, с одной стороны, и нищеты — с другой, содержат новую мысль, чем обычное требование равенства у крестьян, т. е. крестьяне направляли его только против богатых. И тем не менее оно является только требованием равенства. О значении идеи равенства в антифеодалной борьбе см. у В. И. Ленина: «При борьбе крестьян с крепостниками-помещиками самым сильным импульсом в борьбе за землю является идея равенства, и самым полным устранением всех и всяких остатков крепостничества является создание равенства между мелкими производителями. Поэтому идея равенства является самой революционной для крестьянского движения идей не только в смысле стимула к политической борьбе, но в смысле стимула к экономическому очищению сельского хозяйства от крепостнических пережитков» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 226—227).